

Альгис Будрис

Железный шип

Альгис Будрис
Железный шип

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155857

Содержание

Глава первая	4
1	4
2	13
Глава вторая	18
1	18
2	22
Глава третья	35
1	35
Глава четвертая	47
1	47
2	54
3	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Альгис Будрис

Железный шип

*Посвящается Джеффу, который сказал мне,
почему это возможно,
и Барбаре, которая сказала мне, как это все
кончится.*

Глава первая

1

Дно мира было покрыто плавными линиями дюн, очень похожими на те, которые покрывают дно океана. Заходящее Солнце погружало правые склоны всех дюн в чернильную фиолетовую тень. Испещренные полосами и пятнами длинные дюны лежали плотно и компактно, как спящие и прижавшиеся друг к другу люди, и заполняли собой весь мир от края до края.

Края мира были высокими и изломанными. Западный горизонт представлял собой сине-черную стену, окаймленную сверху сияющей и выгнутой аркой, дугой цвета ржавчины, чьи концы простирались в обе стороны так далеко, насколько

ко хватало глаз. Повернутые в сторону солнца бока редких встречных скал и груд камней были залиты сочно-оранжевым и казались яркими рябинами на фоне бесформенной тени под горящим ржавчиной краем мира. Где-то там, из-за горизонта, из черных просторов Созидания уже проклевывались четкие неподвижные крапины света.

Амрс бежал к линии горизонта, его широкие когтистые нижние конечности неслись с глухим шипящим топотом по вершинам дюн, поднимая к небесам клубы пыли и песка, которые, однако, очень быстро оседали на прежнее место. Каждый раз, достигнув вершины очередной дюны, амрс вырывался из все более и более расплывающейся тени и подобно окружающим камням, заливался на короткое время оранжевым, чтобы сразу после этого, в отличие от неподвижных камней, скатиться под новый откос, а чуть позже опять появиться на следующем гребне. В амрсе было полдюжины футов роста. Маленькие руки птицы, растущие из середины ее больших крыльев, прижимали к ее груди короткое копьё с металлическим древком.

И хотя Почтенный Джексон Белый, который гнал сейчас амрса, имел по этому поводу другое мнение, нужно признать, что амрс был прекрасен. Отяжеленная клювом голова птицы, казалось, состояла из сплошных изломанных граней и щелей и была похожа на рыцарский шлем с забралом, а ее огромные, полупрозрачные крылья, предназначенные для полета, были расправлены для поддержания равновесия во

время бега. Грациозная, как невеста гоблина, птица изгибалась в движении, размахивая своими плюмажами длинных кожаных ленточек-вымпелов, бахромы, растущей из рогов, разбросанных по всему ее вздернутому кверху телу и стройным нижним конечностям. Огромное количество бахромы служило амрсу хорошей защитой от холодов и весьма ценилось в нем людьми Железного Шипа. В данный момент эта бахрома должна была отпугивать преследующее птицу чудовище – гладкокожее, резво и весло мчащееся широкими скачками по песку существо.

Расправленные крылья амрса, размахом от одного игольно острого кончика до другого почти в двадцать футов, горящие в лучах уходящего за горизонт солнца бледно-розовым, отлично подходили для мгновенных и безумно резких изменений направления бега. Много раз за время погони Джексон Белый вскидывал свой сделанный из амрсовых же костей посох для метания с заготовленной стрелой с грубым, но острым стеклянным наконечником, да все без толку – добыча опережала его. Выражая свое пренебрежение, амрс вскидывал вверх одно из плеч, закладывал на восьми квадратных футах песка очередной вираж и бывал таков – уже несясь в другом направлении, быстро и оценивающе взглянув через плечо сквозь щели частокола узких роговых пластин горящими зрачками на своего преследователя.

Вместе Джексон Белый и амрс, без усталости пробуждающие своим бегом ото сна красный песок великой пустыни, со-

ставляли великолепную пару, чего невозможно было бы достигнуть, окажись они здесь каждый по отдельности. Загорелый до черноты Джексон был высок, худощав и длинноног. Глядя на него, невозможно было представить, чтобы он когда-нибудь вдруг пошел неуклюже, вразвалочку. У него было удлинненное лицо, отдаленно напоминавшее голову амрса, и такие же, как у птицы, светящиеся глаза. Подобно амрсу, он бежал изящно и легко. Голова Джексона была увенчана блестящим, но очень старым шлемом с остроконечным штырем и новым ремешком из кожаной бахромы амрса под подбородком. В пузыре из амрсовой же кожи, привязанном к поясу и закинута на поясницу, Джексон держал полпинты воды, а запасная стрела была зажата у него подмышкой левой руки. Такой же жилистый и выносливый, как амрс, Джексон осознавал, что гон птицы идет как-то не так. Похоже на то, что темп задает не напор охотника-Почтенного, а подозрительная ленность и вялость добычи.

Джексон обратил внимание и на то, что столь раздражавшие его скачки и броски птицы из стороны в сторону происходили все-таки относительно одной, базовой линии, неизменно уводящей преследователя от спасительного соседства Железного Шипа. Проклятая птица явно пыталась заманить его в ловушку. Джексон Белый лишь недавно стал Почтенным и если то, что происходило сегодня, входило в вещи своеобразные для избранного им жизненного пути, он желал познать их скорее, пока был достаточно молод для то-

го, чтобы учиться. Поэтому, когда его рассчитанные, длинные прыжки с резкими остановками заканчивались ничем, кроме одного-двух чувствительных ударов довольно острого края шлема по черепу, он не слишком расстраивался. Причин сомневаться в том, что он умнее и выносливее любого амрса или человека на всем свете, пока не возникало. Если все-таки они появятся, очень скоро он о них узнает. Он мог бежать так целый день – оставаясь в пределах тех границ, которые он не мог пересекать – и от души надеялся, что амрс приведет свою хитрость в исполнение сразу же, как только стемнеет. Он даже хотел бы помочь амрсу ускорить события, если только хитрость птицы состояла именно в том, о чем Джексон думал.

Так они и бежали, путая друг друга. Джексон вдруг подумал о том, что скажет ему брат, Джексон Черный, если сегодня он принесет амрса, и что – если вернется с пустыми руками. Нужно сказать, что брат Джексона Белого всегда хорошо к нему относился. Кроме того, Джексон думал о том, как это, наверно, приятно: сидеть за общинным столом с чувством гордости от сознания того, что все едят пищу, добытую тобой. Он представил также и то, как к этому отнесутся женщины и оставят ли его, наконец, в покое со своими советами старейшины. И все его мысли были веселы и светлы, как веселы и светлы могли быть мысли сильного человека, не знающего усталости, носящего имя Почтенного в мире, окруженным со всех сторон амрсами и пустыней и населен-

ным преимущественно безликими и неинтересными фермерами и центром которого был Шип, рядом с которым все эти фермеры вынуждены были оставаться.

Джексон оглянулся через плечо, чтобы проверить, как далеко он ушел от Шипа. Он бежал уже давно и покрыл большое расстояние. Сейчас над горизонтом была видна только остроконечная темная вершина Шипа в несколько футов высотой. Джексон отлично понимал, что, потеряй он сейчас шлем – мучительная и скорая смерть будет неминуема. В этом случае ему не спастись ни за что. Но гораздо больше Белого беспокоило то, что амрс, как видно, не считал его разумным существом ни на йоту.

Почтенный Джексон Белый очень хорошо знал (и знание его было основано на большем, чем простая опаска старого мудрого фермера, который всегда скажет вам, что искать что-либо за окраиной полей не стоит), что удаляться за пределы видимости Шипа просто опасно. Опасным было так же выходить за окраину полей без шлема. Что же касалось второго правила, относительно шлема, то это правило продемонстрировал Джексону – Черный, пригласивший его однажды в пустыню и предложивший ему попробовать снять шлем. Воздух вокруг Джексона мгновенно превратился в сжигающий тело удушающий лед, а солнце поблекло и сделалось холодным. После этого кожа Белого несколько дней зверски зудела. Предупреждение об опасности терять из поля зрения Шип, будь ты в шлеме или без него, он принял им

на веру просто со слов брата – опытного и знающего пустыню Почтенного. Конечно, в поселении имелись старейшины, в головах которых содержалось столько знаний, что, казалось, эти знания вот-вот попрут у старейшин из ушей и спасало их только то, что рты их не закрывались никогда. Кроме того все без исключения старейшины имели при себе собственных женщин, которые без умолку ввали всем желающим, как ловки и храбры их мужья и как тяжела в пустыне жизнь.

Все эти знания передавались людьми из уст в уста с первого дня Сотворения Шипа, и Джексон был уверен, что амрсы, путем наблюдения, способны узнать о том, во что люди верят свято, а к чему относятся как к непонятным, но общепринятым правилам поведения. В конце концов амрсы жили в пустыне за границей полей с самого начала времен и имели бесчисленное количество возможностей проследить за тем, до какой точки доводит фермер свой плуг и как устраивают свои ночные засады в дюнах Почтенные.

И сказано было, что не мир был создан для амрсов, а амрсы для мира. В любом случае, этот мир был создан и не для человека, а посему человек должен отдавать себе в этом отчет. Исходя из этого постулата, остается неясным вопрос: что же замышлял сейчас этот амрс? – ломал себе голову Джексон Белый, пыля по песку, над которым сразу же вслед за его ногами поднимались маленькие слабые вихри, словно воздух был и не воздухом вовсе, а горячей водой. Неужели эта птица на самом деле верит в то, что Почтенный после-

дует за ней к самому горизонту, пересечет его, потеряет из вида Шип и упадет замертво, став ее легкой добычей?

Однако все говорило за то, что план амрса, вероятно, был именно таков.

Таким был ответ. После того как птица неторопливо затрусилась прочь от места засады, совершенно не желая скрываться от Почтенного, Джексон Белый понял, что в искусстве гона амрсов есть еще очень много такого, чего он и представить никогда не мог. А некоторое время назад птица вдруг увлекла его за собой вокруг широкого голого скального выступа, и Джексон приготовился, ожидая нападения противника – два или три амрса, поджидающие его в засаде. Ничего такого, однако, не случилось; широкая дуга, по которой они огибали пористое скальное возвышение, окрашенное в кроваво-оранжевый, дошла уже до середины препятствия. От скалы амрс держался на приличном расстоянии, и Джексон отлично видел, что на всем обозримом пространстве пустыни единственные живые существа – это он сам и бестолковая птица.

Очень хорошо. Шип был уже настолько далеко, что, кажется, пропал из виду, но Почтенного Джексона Белого это не очень-то беспокоило. Он все равно смог бы вернуться обратно к Шипу по своим собственным следам, потому что все извилины, изменения направления и отрезки пути с того времени как он покинул человеческое поселение, хранились у него в памяти. Джексон решил начать первым. Через семь

шагов он собирался вдруг споткнуться, выронить из рук метательный посох и стрелы, схватиться руками за горло, повернуться и попытаться ползти назад – в общем изобразить все так, как было бы, если бы амрс заманил таки его за горизонт. Если птица не клюнет на этот трюк... что ж, это будет очень печально. Если же она нападет на него, то получит в надлежащее время удар стрелой в горло.

Но не успел он отсчитать и трех шагов, как мир на самом деле превратился в лед и горло его наполнилось холодной хрусткостью. Только что он бежал вперед со скоростью около двадцати футов в секунду – спокойный и уверенный в себе, обдумывая коварный план, и вот он уже забыл обо всем, падает лицом вперед, не имея возможности задержать свое падение, давится и думает только о том, как добыть из пустого воздуха желанный вдох. Ему казалось, что его глазные яблоки замерзли и вот-вот лопнут. С негодованием он обернулся к Шипу, но увидел только кусок скалы и, удивившись, отметил, что оказаться в пустыне за грудой камня, даже в пределах видимости Шипа, это, как ни странно, то же самое, что снять шлем. Ни Джексон Черный, ни кто другой ничего ему об этом не говорили.

А чертов амрс уже бежал назад.

Амрс мчался к нему как ураган; ничто в мире не могло двигаться быстрее амрса, если он того хотел, а этот амрс явно рвался поскорее добраться до Почтенного Джексона Белого. Крылья птицы были раскинуты в стороны, как серпы двух лун. Маленькая недоразвитая рука амрса, сжимающая металлическое копьё костлявым четырехпалым кулачком, уже занесла оружие для удара. Крылья поднялись над туловищем существа наподобие кожаных чаш и с шуршащими хлопками принялись бить разреженный воздух, поднимая облака пыли. Теперь Джексон Белый видел лицо амрса хорошо – алчно раскрытый клюв, воинственное безумие в глазах. Когти птицы взрыхляли песок.

Но Джексону было не до зрелищ. Он знал, что с ним происходит – холод и шок заставили его сосредоточиться на том, что творилось у него внутри. После того как Черный показал ему тот самый фокус со шлемом, Белый долгое время размышлял на эту тему. Старые женщины объяснили, что с ним случился солнечный удар и что он еще хорошо отделался, но сам он думал иначе и считал, что все дело в холоде и в недостатке кислорода. Лишите человека воздуха на полувздохе – и его сердце может остановиться от страха, только потому, что такая полезная, нужная и незаметная функция организма вдруг не привнесла в его легкие ничего, оставив своего

хозяина в ужасной растерянности. Придя к такому выводу, Белый уже мог дать ответ, отчего его тело так стремится сложиться вдвое, а руки тянутся к горлу, чтобы разорвать его.

В тот раз он решился повторить эксперимент, попросив одного из соседских мальчишек как следует ударить его кулаком в живот. Случилось почти то же самое – только без холода вокруг, боли в глазах и жжения в носу – то же ощущение бессилия, пока спазм не прошел и он смог свободно дышать. Джексон тогда решил, что если он будет думать об этом достаточно долго, то сможет найти также и причину того, откуда в пустыне берется холод и что вызывает кровотечение из носа. Но сейчас размышлять над этим было некогда – к нему приближался амрс. И пока посох и стрелы Джексона лежали от него в стороне, там, где он их уронил, смерть была неминуема.

Несмотря на все происшедшее, он наверняка был бы уже бессилён что-либо сделать, если бы не собрался разыграть то же самое заранее. Он не мог вздохнуть – не мог вздохнуть вообще, а ходить и собирать свое разбросанное оружие с пустыми легкими невозможно, даже если вы знаете, что от этого зависит ваша жизнь. Но у него была еще одна стрела, укрепленная под мышкой. Согнувшись пополам, Джексон достал ее. Амрс уже совсем приблизился. Оттолкнувшись сильными лапами от земли, птица расправила крылья, планируя в сторону Белого. Джексон ожидал, что амрс вот-вот обрушит на него, подобно ошипованным булавам, свои

когтистые лапы. Но враг, кажется, медлил. И вдруг амрс, зависнув на какой-то миг в воздухе, начал стремительно падать на Белого, выставив вперед копьё. Блестящее острие едва не задело Белого. Амрс пронзительно выкрикнул:

– Сдавайся! Сдавайся!

Но Джексон лишь слабо повернул голову и посмотрел на птицу в упор, всем видом демонстрируя свою беспомощность. Сгорбившись, он сидел на холодном песке. Телом он прикрывал стрелу и держал ее, уперев пятку древка в ладонь, с тем чтобы удар получился сильнее.

– Сдавайся, мокрый дьявол! – не унимался амрс. И в этот момент Джексон резко выпрямился и схватил птицу левой рукой за ногу выше коленного сустава.

Нога амрса была жесткой, как панцирь таракана.

Амрс отчаянно вырывался, взмахивая крыльями, но Джексон притянул его к низу и прижал пойманные ноги к песку. Затем бросился вперед и, путаясь в кожаной бахrome амрса, навалился всем телом на птицу. Крылья и когти твари царапали его кожу, в какой-то момент амрс извернулся и вонзил в спину Джексона клюв. Но Почтенный уже нанес свой *удар*, пробив горло и спинной хребет амрса. Казалось, будто оружие прошло через несколько слоев натянутого на раму пергамента. Затем – следующий *удар* в грудь – в один из двух больших пузырей, находящийся чуть ниже роговых зубцов и прочего – и сразу же прижал к себе амрса, нащупав ртом дыру в его груди и жадно начал дышать, дышать,

дышать.

А амрс все еще хлопал крыльями, бил ногами и выгибал спину, но Джексон держал его крепко. То, что било из груди птицы Джексону в рот, было теплым, как жизнь, шипело и весело играло; легкие Белого наполнились этим и ему пришлось прервать вдох – слишком мощный напор.

Он не должен больше дышать; он не должен больше дышать. Теперь он сможет обходиться без воздуха долго, очень долго. Это отличалось от случившегося с ним раньше, когда он просто не мог вдохнуть. Такое ощущение как будто вам не нужно больше дышать вовсе; так происходило с Почтенными, которые устраивали пляски вокруг Шипа на всю ночь, хэй-хо, потягивая из пузырей только что убитых амрсов их дух и совсем не дыша, только выдыхая время от времени и снова припадая ртами к вырезанным из тел амрсов пузырям, смеясь и ухая, как смеются и ухают от радости мертвые, попав наконец в Возмир.

Тело амрса умирало. Трудно было сказать, была ли уже мертва его голова – с телом ее связывала только полоска кожи. Глаза амрса были уже закрытыми. Из-под его смеженных век лилось и сразу же застывало на песке льдом что-то прозрачное и густое. Кончики крыльев птицы все еще трепетали. И Почтенный Джексон Белый был жив, что, черт возьми, нельзя было сказать о его добыче. Он подхватил амрса на плечо. Пошатываясь и улыбаясь, он захромал к своему оружию – к посоху для метания и стрелам, подхватил заод-

но и металлическое копьё птицы. Зажав оружие в одной руке (другой он придерживал добычу), Джексон зашагал обратно, все еще страдая от холода, но не обращая уже на это внимания, дрожа от радостного возбуждения, счастливый от первого в жизни глотка чистого кислорода, со своим первым амрсом на плече, насытившийся наконец, как человек долго мучавшийся от жажды в жаркий летний день и испивший чашу холодной чистой воды.

Глава вторая

1

Потом он долгое время отдыхал на прохладном песке, рассматривая яркие точки и луны над головой, которые очень красиво плыли по небу, но что это такое на самом деле он не знал. Приподнявшись на одном локте, он ласково погладил стройное бедро сраженного амрса. Загнанная наконец птица, со сложенными крыльями, казалась неясной, угловатой тенью, но Почтенный Джексон Белый мог не задумываясь описать каждый завиток ее рога, каждую ленточку бахромы, каждый коготь и каждый ее зуб. Отстегнув со своего пояса перевязь с пузырем, он откупорил его и сделал несколько глотков воды.

По мере того как мускулы его шеи и спины напрягались, из ран, потрескивая, высвобождался песок и сыпался вниз, приятно щекоча ему спину. Джексон улыбнулся амрсу и хлопал его по ноге. Затем поднялся, приладил свое снаряжение и сориентировался относительно силуэта едва не погубившей его скалы, черневшей на фоне звезд. Нужно было идти.

Он наклонился и поднял с песка свою первую добычу, вскинул ее на плечи, устроил поудобней и пошел быстрым

шагом, делая короткие остановки для того, чтобы внимательно оглядеться и послушать песок. Считалось, что амрсы не любят бродить по ночам — на основании чего и была принята тактика Почтенных: устраивать засаду с вечера. Будучи настроенным сегодня особенно критически, Джексон Белый спросил себя: если амрсы не рыщут по ночам, почему тогда столько засад заканчивается неудачей.

Своего забитого амрса он держал крепко. Немного ослабившись, он смог бы нести тушу с меньшей затратой сил, но он этого не хотел.

Никто и никогда не говорил ему о том, что амрсы способны говорить. Никто так же не говорил ему, что птицы могут иметь при себе какое-нибудь оружие, кроме когтей, клюва и кончиков крыльев. Ему говорили (это говорилось всем детям Железного Шипа, перед тем как большая часть из них становилась фермерами, а меньшая пыталась счастье Почтенных) что амрсы забрали бы их всех, кабы Почтенные не присматривали за ними. Но никто при этом не объяснял, каким образом амрсы могли это сделать.

Своему первому амрсу он просто не мог позволить уйти. Слишком долго он учился искусству гона.

Скрипучие, острые песчинки под его ногами неприятно поскрипывали. Амрс шуршал на его плечах. Птица состояла из сплошных острых углов и колючек, болезненно впивавшихся в тело Белого. Главные крыловые кости птицы включали в себя по несколько суставов. Руки амрса росли от лок-

тей. Крылья же амрса, от рук вниз, крепились на чем-то, напоминающем необыкновенно длинные человеческие мизинцы. Придающие крыльям жесткость ребра, представляли собой крепкие хрящи, растущие из суставов этих мизинцев, из запястий, и так вплоть до локтей. Вообще крылья амрса были похожи на полуразрушенный навес. Джексон пытался уложить крылья и так и эдак, свернуть, но напрасно – то одно крыло, то другое сваливалось вниз, начинало раскачиваться в такт ходьбе, в результате – коготь на кончике крылового мизинца резал Белому ноги. Когда ему это в конец надоело, он сбросил амрса на песок и обвязал птицу ее же собственной бахромой. Но получившийся в результате этого жесткий сверток еще больше резал спину и то и дело скатывался вниз.

После трех сотен шагов в свертке нашелся острый шип, глубоко вонзившийся в самую широкую из Джексоновых ран – в разорванный клювом амрса верх плеча. Края зияющей раны уже подсохли и затвердели, кровавая борозда внутри была засыпана песком и поэтому не подтекала. Конец раны доходил до перекрученных реберных мышц. Появление такой раны на теле заинтересовало Джексона необычайно – во-первых, было странно и любопытно потрогать себя внутри, а во-вторых, доставляла удовольствие сама мысль о том, что не будь он могучим и победоносным Почтенным, то наверняка бы уже давно жалобно дрожал и скулил. То, что человек должен опасаться причинять вред своей плоти, Белый понимал очень хорошо. Он по себе знал, что даже неболь-

шая рана несла с собой много неприятностей, из чего следовало, что следить за собой было умнее. Однако вместе с тем Белый отметил, что главным в ране является не величина, а само ощущение, которое либо заставляет человека кричать, либо он терпит и молчит. Именно поэтому он и решил стать Почтенным. И сегодня он им стал – Почтенным с белым шрамом от удара клюва амрса. Почтенным, который время от времени сбрасывает своего амрса на песок, растягивается рядом и слушает дюны, а звезды и небольшие луны дают ему тот незначительный свет, который освещает его путь. Белый возвращался к Шипу, туда, где с завтрашнего дня он будет жить уже по-другому.

До рассвета оставалось уже совсем немного, когда Джек-сон наконец увидел на фоне начинающего сереть неба тусклые очертания Шипа. Одновременно с этим он услышал невдалеке от себя шаги – по песку шел человек. Вероятно это Джексон Черный идет по хребту соседней дюны к нему на встречу.

По традиции Почтенный должен был дожидаться прихода людей, сидя на солнечной стороне Шипа. Рядом с ним должна была лежать его добыча. Встречают их люди, поднимающиеся утром для работы в полях. Тот Почтенный, чья охота увенчалась успехом, по традиции оставался в пустыне до наступления света, даже если в этом и не было нужды. Люди, случайно встретившие Почтенного до восхода солнца, должны были делать вид, что не замечают лежащей у него на плечах туши. Идея сводилась к тому, чтобы придать появлению убитого амрса видимость естественности и самопроизвольности, как, например, метеоритный дождь. Почтенному надлежало держать себя очень спокойно, не замечать внимания других – по крайней мере до тех пор, пока вокруг не соберется достаточно народу, чтобы потом уже возликовать должным образом.

Этот бессмысленный ритуал был известен всем, но мало кто обращал на него внимание. Происхождение ритуала

ла восходило к тем далеким временам, случившимся, может быть, дюжину поколений назад, когда некий благочестивый глупец решил вдруг усложнить всем жизнь особой манерностью. Основная проблемой в отношении всей этой чепухи, которая дескать должна была делать жизнь людей лучше и интересней, заключалась в том, что на самом деле ничего хорошего это не давало, а интересы свои человек по-прежнему должен был отстаивать сам. Со временем даже сообщество фермеров поняло это. И Джексон Белый всем сердцем надеялся, что сегодня, в день его первой добычи, столпы Почтенных, вроде его брата, отметят-таки это событие, например, пожмут ему руку, а потом уже начнут все эти игры с неожиданным обнаружением охотника рано по утру. Если все пройдет обычным чередом, то, Белый был уверен, вопреки всем традициям брат Черный наверняка расстроится.

Внезапно он почуял исходящий от амрса тот характерный острый запах, который был знаком ему с детства. Судя по приметам, он уже вошел в место относительной безопасности, хотя вокруг еще расстилалась пустыня и дышать в холодном воздухе было трудновато. Джексон осторожно растегнул ремешок и снял шлем. Он находился на приличном расстоянии от Шипа, ни один из фермеров сюда не отваживался заходить. Еще немного, и он ступит на полосу сорной травы, шириной дюжины в четыре футов, предшествующую полям. Зимой эта полоса сжималась до двух дюжин футов. В то же время года, когда дни были длинными, а высоко сто-

ящее Солнце заставляло сверкать тонкие решетчатые конструкции на вершине Шипа, ширина полосы увеличивалась до пяти дюжин футов. Никто не пытался выдолбить эту траву и расширить за ее счет свое поле, считалось, что она должна быть здесь и все тут. И это было странно, потому что фермеры, Джексон Белый понял это очень рано, ночи на пролет только и думают о том, как бы оттяпать у своего соседа дюйм-другой пахотной земли и поминают недобрым словом Возмир.

Это *действительно* был Джексон Черный, высокий и с бугрящимися на животе мышцами – предметом тайной зависти Белого. Короткие волосы Черного говорили о том, что он является посвященным Почтенным. Темные провалы глазниц и рта четко выделялись на светлом лице Черного. Джексон Белый остановился, но снимать амрса с плеч не стал, стараясь держать свою добычу легко.

– Добро пожаловать, Почтенный, – приветствовал его Черный.

В грубом басовитом голосе брата, который у Белого всегда был связан только с хорошим и дружеским участием, ему вдруг послышалось что-то необычное, какое-то странное придыхание. Черный сделал два шага вперед и тронул его за плечо – если это было то, на что Белый так надеялся, что же, пусть так. Было еще довольно темно, но Белый разглядел горькие складки по краям широкого рта брата. Когда же Черный протянул руку и потрогал амрса, Белый начал

успокаиваться. Некоторое время назад он понял, что люди верят только в то, до чего могут дотронуться – во все остальное они верят только в том случае, если говорящий обязательно добавляет, что трогал это руками сам.

– Ты в порядке, парень? – Черный снова дотронулся до его плеча.

– Ага.

– Хорошо. Ну что же, вот он – твой первый! И ты в порядке.

Черный обошел вокруг, рассматривая амрса и похлопывая рукой по туше, лицо его все больше и больше расслаблялось.

– Молодой, – оценивающе заявил он, ковырнув мозоли на подошвах амрсовых ног большим пальцем. Черный был при своем посохе и стрелах. Он положил оружие на песок и взглянул на Белого.

– Пришлось с ним повозиться?

Белый вздохнул.

Черный разыскал металлический дротик амрса – под тушей на спине Белого. Дротик легко скользнул Черному в руку.

– Напал на тебя вот с этим, да?

– Ага.

Черный быстро заглянул ему в лицо из-под густых низких бровей.

– Он сказал тебе что-нибудь?

– Не особенно много.

– И что он тебе сказал?

– Что-то насчет того, как он со мной разделяется, так, кажется. Я был очень занят. И еще назвал меня мокрым дьяволом.

– Что-нибудь еще?

– Нет. Примерно тогда же я его и убил.

Черный наклонился, чтобы осмотреть шею амрса. Протянул руку и пощупал края раны, оставшейся от удара стрелой.

– Отличный удар. Положил его чисто.

– Так учил меня Джексон Черный.

– Парень?

– Да?

– Теперь чувствуешь себя отлично, так?

Джексон Черный широко улыбнулся. Знал он это или нет, но только хорошо было заметно, что он вспоминает о чем-то, и эти воспоминания доставляют ему удовольствие.

– Идешь, несешь с собой своего первого... и чувствуешь, какой ты смелый и сильный?

– Ты говоришь о том, что я почувствовал, разделившись с ним?

– Ну, в общем, да. Точно, парень. Помню как я...

– Какой я смелый и сильный, так, Черный?

– Не очень понимаю тебя.

– Я говорю о том, что ты пока единственный, кто рад слышать о том, что я узнал. Хочешь услышать об этом?

– Ну... конечно. Я... послушай, в свое время я тоже, точно так же как и ты, узнал, что амрсы носят с собой копья и умеют болтать! Тогда я не стал злиться ни на кого.

Джексон Белый думал об этом с тех пор, как услышал из уст птицы первые слова. Таким своего брата он еще не видел никогда. Он принялся изучать Черного пристально, так же, как изучал из засады амрса.

– Мне кажется, что нам стоит об этом поговорить. Немножко.

При этом Белый подумал о дротике амрса, метнуть который можно было так же легко и далеко, как и стрелу Почтенного. Но тогда птица не захотела пользоваться своим преимуществом и поражать свою жертву с безопасного расстояния, и подошла вплотную, но даже после этого все еще стояла над ним и не убивала, а все чего-то ждала, до тех пор, пока не погибла сама...

– Дело в том, что тебе и не нужно было ни о чем таком знать. Ты ведь добыл бы его так или иначе, верно?

Черный воткнул металлическое копьё острием в песок и навалился на него всем своим весом. При этом дротик перестал казаться дротиком и вообще оружием, а принял вид какой-то совсем обычной палки.

– Кроме того, я предупреждал тебя, что эти твари хитры? – добавил Черный, немного подумав.

– Ага.

Руки Белого впились в амрса еще крепче. Ему вдруг по-

казалось, что Черный может и не вернуть ему дротик амрса. Дурацкое чувство. Он стоял и ждал, когда Черный скажет что-нибудь еще. Поскольку только Черный мог знать, что теперь будет дальше.

– Ты не имеешь ничего против того, чтобы вернуться молодцом, но без этой штуки?

– Не знаю.

Черный принялся вкручивать своей сильной с толстыми пальцами рукой металлическое древко в песок. Острие дротика уходило все глубже и глубже в тело дюны.

– Приятно чувствовать себя мужчиной, согласишься?

– Сейчас я чувствую кое-что другое. А мужчиной я чувствовал себя еще до того, как отправился на гон.

Черный легонько толкнул Белого кулаком в плечо, на сей раз в больное. Черному была не видна его рана на плече.

– Ты всегда был крепким парнем. Никогда не давал никому спуска. Ты и меня свалишь, как только тебе надоест раздвигаться с этими мальчишками, которым ты привык пускать кровь. Не будь я твоим братом, конечно... Старшим, я имею в виду.

Не таким, эх, не таким видел себя Белый глазами своего брата. И не таких слов он от него ждал. Этот разговор поведал Белому о его брате столько нового, сколько он не узнал за весь прошедший гон, и теперь ничего больше знать о Черном он не хотел. Ему вполне хватало и того, во что он верил до сих пор. До этого разговора.

– Знаешь, Черный, уже скоро рассветет, – мягко сказал Джексон Белый. – Мне нужно идти и садиться к Шипу. Утром туда придет Первый Старейшина, чтобы посмотреть на моего амрса и убедиться, что все нормально. Он назовет меня Почтенным, подстрижет мои волосы и выкрикнет имя лучшего, который побреет меня. Надеюсь, им будешь ты. У нас с тобой этот день будет трудным, так мне кажется. Так почему бы нам не считать меня посвященным Почтенным прямо сейчас, чтобы я мог идти своей дорогой, как это у нас положено?

Дротик амрса ушел в песок уже на целый фут. До Белого вдруг дошло, что Черному осталось поработать еще немного, и металлическое древко скроется в песке окончательно.

– Знаешь, парень, а ведь тебя здесь мог ждать и кто-то другой. Нас всех встречают после первого раза. Это – Черт! – в общем, ты и сам понимаешь, что это необходимо! И на моем месте мог быть сейчас Филсон Красный, или Харрисон Черный, или любой другой парень из тех, которые любят уливаться вокруг Первого. Я не должен был быть здесь. Но я обучал тебя. И когда ты доберешься назад, ты поймешь, что тебе еще повезло, потому что...

– Если я еще доберусь.

– *Ты?* Черт, я уверен, что *ты* доберешься назад!

– Само собой.

– И я все-таки считаю, что тебе повезло.

Черный в очередной раз повернул металлическое древко.

Белый все еще не мог решить, что же его брат делает с оружием амрса: старается схоронить его в песке или же он волнуется и действия его бессмысленны. Не слишком хорошая привычка – может стоять кому-нибудь жизни. Белый вынужден был признать, что Черный в чем-то, наверное, прав.

– Тебе *повезло*, – упрямо гнул свое Черный.

– Ну, хорошо, – сказал наконец Белый и почувствовал, что потрескавшиеся губы кровоточат.

– Послушай, парень, если тебе должны подстричь волосы, это еще не означает, что ты повзрослел!

Белый отметил, что его брат разозлился, как злился он всегда, когда кто-нибудь, к примеру, отказывался верить в необходимость находиться в пустыне в шлеме.

– И ты думаешь, что мы позволим всей этой кодле детворы – пускай даже это будут только дети Почтенных – бегать повсюду и трезвонить о том, чего это стоит – стать Почтенным? Неужели ты думаешь, что все эти фермеры *не верят* в то, что и сами смогли бы стать Почтенными, будь у них достаточно свободного времени? И что для Почтенных, которые едят хлеб фермеров, ничего не значит тот факт, что сами они знают точно: фермеры на это не способны?

– И все это ты говоришь мне только потому, что у каждого из Почтенных был его первый раз?

– Верно. Наконец-то ты понял. То, что ты сильный и смелый, еще ничего не значит – что бы стать Почтенным, важно кто *ты* есть в душе!

Черный с гордостью посмотрел на своего брата, на человека, которого он мог теперь считать равным себе. Он выдернул из дюны копьё амрса и аккуратно очистил его от песка.

– Потому что ты смог пойти против *этого!*

Да, это, конечно, немаловажно. А также слова птицы, шлем, который вдруг перестал работать, и брат, который готовил тебя столько лет к ночному гону, на исходе которого, как оказалось, кто-нибудь обязательно будет поджидать тебя в укромном месте. Джексон Белый с грустью посмотрел на взрастившего его могучего простофилю. Увы, Черный оказался не совсем тем человеком, за которого Белый его принимал, из чего можно было сделать вывод: гордиться своей сообразительностью и проницательностью ему совсем не стоит.

– Ну ладно, хорошо. Я все понял.

Черный устремил на его освещенное ранним серым светом лицо долгий и пристальный изучающий взгляд.

– Ты не обманываешь меня, парень?

Он хотел быть уверенным в нем, он просто умолял Белого дать ему эту уверенность. Со всей своей грубостью и прямодушием, но все-таки умолял. Белому подумалось, что Черный по-своему его любит и все эти годы, в течение которых он готовил себя к моменту вручения своему брату самого ценного из известных даров, он трепетал в ожидании этого момента.

– Ты ведь не станешь там всякое разное болтать? Я про-

сто хочу, что бы ты сам для себя решил, что не будешь изливаться перед людьми до тех пор, пока не переговоришь с Первым. Ты даже представить себе не можешь, сколько раз Первому приходилось объясняться с такими же вот как ты, и он способен открыть тебе глаза за пару минут. Объяснит тебе все в дюжину раз лучше, чем я, это уж точно, – заключил Черный решительно.

Белый покачал головой.

– Я буду вести себя так, как положено Почтенному. Я расскажу старую историю о том, как подстерег амрса в засаде, нагнал, дрался с ним как черт и в конце концов победил.

– Точно?

– Точно, черт возьми!

Черный облегченно вздохнул. Но Белый уже с ума сходил от злости и совсем не хотел отпускать его так запросто.

– А теперь я хочу, чтобы и ты пообещал мне кое-что. Обещай сказать это Первому Старейшине. Скажи ему, что я хочу знать, откуда у амрсов берутся их металлические копья, которые они умеют бросать гораздо дальше, чем это делаем мы. Черт, человек может метнуть стрелу прицельно на восемь дюжин ярдов, а сколько мы их перетеряли – уму не постижимо. Я так же хочу знать, почему мой шлем перестал работать, как только я зашел за скалу. И почему амрсы разговаривают. И еще скажи ему, что он наверно сбрендил, когда решил, что самым лучшим будет послать мне на встречу для разговора брата. Ты был так смущен, что я *мог* заколоть

тебя без труда – учитывая даже то, что сначала я не знал что тебе от меня нужно.

Белый вздохнул и закончил уже спокойней.

– И последнее... Не догадываешься о чем я? Наверняка догадываешься. Так вот, теперь я понял, куда уходят из Шипа Почтенные, с оружием, но без шлемов. В таком виде они могут убить в пустыне только два вида дичи. Во-первых – несчастных Почтенных, которые все-таки ухитрились доползти назад, несмотря на свои полученные во время охоты раны, а во-вторых, молодых и глупых Почтенных, которые не хотят молчать о том, что, благодаря Созиданию, в этом мире мы не одни. И те – другие, занимают в мире гораздо больше места, чем мы. А теперь ты можешь забрать копье и отнести его туда, где вы их прячете. А я пойду своей дорогой и клянусь, что не буду смущать благонравие Почтенных, особенно сейчас, когда я наконец протоптал тропинку в их ряды, но прошу тебя, не стой на моем пути – как бы не вышло беды.

Сказав это, Белый обогнул Черного и зашагал вперед, и амрс шуршал у него на плечах при каждом шаге. Отмеряя последний кусок пути до Шипа, он вдруг понял, что только что предоставил Черному прекрасный повод вогнать ему стрелу в спину, во имя всего, что там Черный полагал справедливым. Но как бы не бывал Белый зол и обижен, он никогда этого не показывал, а переживал в себе, и кричал и плакал молча, внутри себя по несколько дней. И поэтому он

был уверен: если он хочет выйти из этого дела без потерь, то должен уйти от своего брата, который любит его. Уйти, не обернувшись ни разу.

Глава третья

1

Сидеть на солнце было тепло и приятно. Он сидел скрестив ноги, прислонившись спиной к теплому черно-коричневому боку Шипа. Щурил глаза на восходящее Солнце и совсем не замечал людей, выбирающихся из своих бетонных, похожих на вздутия на земле, жилищ, окружавших Шип и находившихся сейчас как бы вне его сознания.

Беговая дорожка – ровная кольцевая полоса вытоптанной от травы земли, шириной около полудюжины ярдов и дюжину раз по дюжине дюжин ярдов длиной, огибала Шип по окружности. Филсон Красный, длинноногий, с таким выражением лица, как будто ему известно все на свете – из-за шрама, вздернувшего правый угол его рта к глазу – возглавлял пробежку готовящейся в Почтенные молодежи. Пробегаая мимо Джексона Белого, юнцы косились на него и на его амрса.

Филсон, выгоревшие на солнце белые и прямые волосы которого склеились от пота сосульками, только улыбался своей странной, какой-то механической улыбкой, и продолжал пожирать землю ногами. Равных в беге ему не было, он мог обогнать кого угодно. Даже Ольсона Черного, отца

Джексонов Черного и Белого. Впрочем, Ольсона давно уже не было в живых.

По правде говоря, Белый не так уж много видел пожилых людей. И то, что настоящее имя его отца было Джек, он узнал лишь когда начал посещать занятия в группе готовящихся в Почтенные, аналогичной той, которую теперь тренировал Филсон. Известие о том, что при бегуне отце и фермерше матери, он должен носить имя Джексона, технически отношения к Филсону Красному не имея, предположительно должно было расстроить и унижить Белого. То, как отнесся к вопросу родства Черный, с самого начала заменивший ему и отца и мать, Белый понятия не имел. Сейчас он сидел и улыбался солнцу, расслабив мышцы, давая телу возможность отдохнуть. Группа неофитов, потных и хрипло хватающих ртами воздух, под предводительством не менее потного, но улыбающегося Красного, снова пронеслась мимо. Белый подумал о том, что разозлившись как-нибудь как следует, когда он наконец решит, что с Почтенным Филсоном Красным ему нечего больше делить, можно будет использовать воспоминание о связанных с ним унижении и обидой, как удобное оправдание.

Сидеть на солнце одно удовольствие. И сейчас, когда он мог просто сидеть и ничего не делать, только ждать, Белый позволил дремоте одолеть его. Он там, где давно хотел быть. У самого подножия Шипа, чья нагретая шершавая поверхность приятно греет его спину, а сладкий, ни с чем не

сравнимый запах недавно убитого амрса поднимается вокруг него. Теперь он мог позволить себе забыть о многом, о том, что так долго держало его в напряжении. Он наслаждался сладкой дремотой, ловил сквозь полуприкрытые веки расплывчатые вспышки зеленого – пятен полей и фруктовых садов – и силуэты собирающихся вокруг людей.

Обрывки их разговоров достигали его слуха, превращаясь в странную смесь разнообразных оттенков звуков: от похрустывания, до плача и басовитого бормотания, исходящего откуда-то из нутра Шипа. Наверно так хорошо ему было только в детской колыбели. Его спина была в безопасности, а из стоявших перед ним никто не осмелился бы угрожать ему, по крайней мере сейчас. А большая часть этих людей и вовсе никогда не решится на это, ибо сегодня ночью он убил живое существо, и волосы Белого вскоре будут острижены. Меньшинство же, конечно, будет предъявлять претензии на принадлежащие Почтенным вещи и женщин. Однако вряд ли – они позволят себе излишне налегать, поскольку все вопросы между фермерами и Почтенными решаются Почтенными, а значит никто, ни один фермер, или даже готовящийся в Почтенные, не осмелится бросить ему в лицо грубое слово. И только единицы из них, черт возьми, все-таки произнесут что-нибудь скверное у него за спиной.

А этому амрсу досталось от него, это точно. Врезал ему как следует, по рогатой башке, полной этих его хитроумных планов, в которых теперь уж точно не разберешься – еще бы,

вот только что мокрый дьявол лежал беспомощным и вдрут как...

Что такое смерть? – подумал Белый. Когда тебя бросают в темноту посередине жизни, посередине твоих мыслей и планов? Интересно, останется ли при этом время на то, чтобы сообразить, что теперь ты добыча и тебя сожрут? И вспомнить о том, что отныне ты направляешься в Возмир? Вспомнить, что ты человек, а амрс – это амрс, и что скоро ты продерешь глаза среди других счастливых мертвых, а твой победитель будет жевать тебя за обе щеки? Ах, да, конечно, там же все смеются и поют, пиршество идет без перерыва, но, черт возьми, те-то, кто умер сам, смеется еще и над тобой, а все остальные, кого тоже съели, предлагают тебе держаться вместе. Вся сложность в том, чтобы умудриться отправляться в Возмир не в виде битой дичи. Для этого необходимо дожить до своей естественной смерти, но это сложно, ибо дураку понятно – амрсы смотрят на тебя единственно как на дичь; а ты же знаешь за собой только одно право – право *бить* первым.

Ладно, но не мог же этот амрс знать, что Белый видел, как Почтенные пляшут вокруг Шипа со свежими пузырями из своих свежих амрсов. Не мог же он знать, что Джексон Белый запомнит это, доверит этому знанию свою жизнь и попытается дышать там, где дышать невозможно, дождавшись того, что его враг мог ему дать? Остаешься ли ты дичью в том случае, когда твой план срывается? Остаешься все равно,

решил Джексон Белый. Если ты не знаешь, против чего твой план был направлен. Но как узнать о том, что спрятано у кого-то в голове?

Вокруг него собралось уже много народу. Люди просто стояли – мужчины, с орудиями труда для обработки земли в руках, женщины – со своими ведрами, дети... Фермеры не собирались расходиться, женщины не торопились к очередям у кранов около Шипа, дети играли в Почтенных и пытались карабкаться на спины взрослых...

Что они знают? – думал Джексон Белый, поглядывая на Солнце, вкушая запах своего амрса, с удовольствием ощущая рану на плече и другие, более мелкие порезы на теле. Все что они теперь видят, это я сам и мертвое тело рядом со мной. А если совсем точно – лишь внешние оболочки нас обоих. Что они могут понимать в том, что мы сегодня узнали? Даже если бы они и были там, видели происходящее, чтобы они из этого смогли понять? Дотроньтесь до меня – это может сделать любой из вас, или дотроньтесь до него, и все, что вы узнаете, только малая часть того, что в нас заключено. Что скажете на это, вы, жуки навозные – есть ли среди вас хоть один, кто мог бы рискнуть совершить поездку в Возмир нанизанным на стрелу сегодня поутру?

С той стороны Шипа снова появился Филсон и его юнцы – пот с Филсона уже не тек ручьями, а усеивал его лоб и торс красивыми, отдельными горошинами, неофиты же были все как один бледны что твоя амрсова бахрама, мокры насквозь

и невидящими взглядами. Их число уменьшилось на одного – кто-то, видать, махнул на все рукой и принял фермерскую судьбу, и сейчас лежит где-нибудь по ту сторону Шина с полным ртом грязи и слезами на глазах. Джексон Белый опять подумал о шраме Филсона; Красный заработал его во время первого же гона, вернулся с разодранной мордой. Филсон знает все. Когда Красный пробежал мимо, Белому захотелось улыбнуться ему. Но улыбаться он не стал, потому что не был уверен в том, что угадал правильный ответ. Для этого ему нужно знать наверняка, что творится сию минуту в этой голове. Кстати говоря, Ольсон Черный тоже не смог этого узнать, не правда ли? Как там тебе живется-можетс в Возмире, Ольсон?

От толпы отделилась и выступила вперед Петра Джованс, люди чуть-чуть подались в стороны от нее. Она остановилась, сложив руки на животе, и принялась рассматривать его своими спокойными, умными глазами. Что ты можешь об этом знать? – подумал Джексон Белый, проверяя свои догадки на ней, и ему ужасно захотелось узнать то, о чем думает она и как она видит его; как научиться все время молчать, как она, и одновременно говорить глазами: Нет, не сейчас... но когда-нибудь, наверняка. Без рук, но смотреть – пожалуйста. Черт возьми, если ты окажешься именно той, какой я тебя представляю, то уж я – то постараюсь не подкачать и расшибусь для тебя в лепешку.

Белый начал прикидывать, кто это будет – она или кто-

то другая, когда подойдет пора опробовать свои новые права посвященного Почтенного Джексона Черного Второго. Так или иначе, кто-нибудь ему наверняка достанется. Пройдет немного времени и у него появится сын, подрастет, получит имя и тогда все узнают о том, что собственное имя Белого – Джим. И когда-нибудь он уйдет на гон как Почтенный Джек-сон Серый, а в поселении появится Почтенный Джимсон, или, быть может, фермер Джим Петрас, которому будет до-верено развеять его, Белого, прах, или, может быть, все сло-жится совсем иначе. Но как бы там не было, кто-нибудь, на-верняка, покопается в его костях. Рассудив так, Джексон Бе-лый подумал: если у него, так счастливо избежавшего сего-дняшнего неприятного инцидента в предрассветной пусты-не, и дальше все пойдет как думается, то не следует забы-вать и о том, что впереди его возможно поджидает корот-кий, но наверняка чертовски заковыристый список различ-ных неприятностей и просто важных событий.

Он подумал о том, что, проведя все эти годы в беге вокруг Шипа и метании стрел, он не замечал, что все здесь катится ко всем чертя, под гору. Но это продолжалось с незапамят-ных времен, и когда он подумал о том, что своим глазами видит и видел следующих по этой наклонной дороге людей, вышагивающих по ней каждый на свой манер, но в соответ-ствии с указаниями старейшин, то понял вдруг, что эта са-мая дорога в Возмир уж наверное вытоптана так же хорошо, как и беговая дорожка вокруг Шипа.

Что вы об этом знаете? – мысленно воскликнул он. Вот, например, я могу умереть прямо здесь, от внутренних повреждений, как это устроил Томсон Красный в прошлом году. Я тоже мог бы устроить такое, а вы, обнаружив это, наверно сказали бы что-нибудь вроде: "Вот черт, как неудобно-то". Но я в порядке и встану на ноги с минуты на минуту, и поэтому вы производите какие угодно шумы, только не этот. И даже, если бы я сейчас умирал... Как бы мне хотелось, чтобы сейчас подо мной на земле растекалась лужа крови. Вот тогда бы вы вели себя правильно. Но что *вы* можете об этом знать?

Петра повернулась и вплыла обратно в толпу так, чтобы все время оставаться в поле зрения Белого. Ему вдруг показалось, что она знает про него все. Не совсем понимая, зачем это делает, он подмигнул ей. И понял, что, наверное, немного сошел с ума, но это же нормально, когда тебе приходится биться с птицами, внутри которых скрывались люди, когда у тебя есть такой замечательный брат, как Черный, который настолько прост, что с одинаковой легкостью может попросить у тебя прощения или убить тебя.

Когда Джексон Белый начал думать о том, где же находится кладбище неудачливых Почтенных – наверно где-нибудь за полями – из толпы народа вышел Первый Старейшина и дотронулся рукой до его плеча.

– Встань, Почтенный, – ты вернулся с добычей! – произнес старик громко и нараспев.

В не скрытых одеждой местах тело Первого было все в шишках, под коричневой натянутой и сморщенной кожей проступали кости. Зубов у Первого не было, и поэтому щеки его ввалились внутрь. Под глазами у старика набрякли мешки. В общем, для полноты картины ему не хватало разве что крыльев.

– Ты в порядке, сынок? – спросил он негромко.

Неожиданно Белый понял, что давно уже наблюдает за Черным, который маячил перед толпой фермеров вместе с другими Почтенными.

– Черный разговаривал с тобой? – спросил Белый у Первого почти не разжимая губ.

В том, что Почтенные, собравшиеся около Шипа были вооружены, не было ничего необычного, это их право. И тем не менее, Белый чувствовал, что было бы спокойнее, если бы именно сегодня, в его глазах не рябило бы так беспощадно от изобилия солнечных бликов на жалах стрел.

– Да.

И для толпы:

– Вот собрались те, кто желает поздравить тебя!

Костлявая рука Первого впилась Белому в плечо. Старейшина снова понизил голос:

– И что ты о них всех думаешь?

Белый поднял голову и заглянул своими чистыми и честными глазами в мутные глаза старика:

– Примерно то же самое, что и ты, поэтому особого зна-

чения это не имеет.

– Хм. Уж не знаю, правильно ли поступил Черный, когда пропустил тебя? – пробормотал Первый Старейшина, и солнечное настроение Белого немедленно улетучилось. Бесцветные глаза старика в упор смотрели на Белого. Может быть, Первый полагал, что таким образом сумеет отличить в его словах правду от лжи? Возможно, у него это и в самом деле получится.

– В отношении того, что сейчас требуется от меня и от тебя, он был прав.

Ответ мог быть и не тем, которого ожидал от него Первый, но так видел ситуацию Белый. Хотя это было за той чертой, которой он собирался придерживаться в разговоре с Первым. Кое-что из того, чему учили ребятню, как бы там не изменялись обстоятельства, было правильным: всегда отвечай на вопросы Первого честно и прямо, никогда не желай никому зла. Этот пункт казался ему самым правильным и разумным.

Они тратили время впустую. Старик поджимал уголки рта и рассматривал Белого так, как рассматривал бы фермер первый свежеиспеченный каравай хлеба своей новой жены. Но находиться здесь и пронзать друг друга изучающими взглядами вечно, бессмысленно. Насколько Белый понял, давление, которое испытывал на себе Первый, значительно превышало ожидаемое. И только теперь, открыв для себя это, он счастливо расслабился, как расслабляется и радуется

ся человек в жаркий день, откупоривший пузырь и ощутивший во рту желанную прохладу воды. Сам он мог бы длить это вечность. Старику нужно было идти, Белому же спешить было некуда; старику, а не ему пришлось бы придумывать правдивую историю, решишь тот убить Белого на месте. К тому же Белый уже произнес слова, прощения за которые ожидать не приходилось.

– Значит, ты решил, что мы с тобой ровня, – шепнул ему Первый. – Решил, что провел удачные день и ночь и теперь все, и твой брат, и остальные Почтенные – экие глупцы – тебе более не пара, и один только Первый Старейшина тот человек, с кем ты можешь говорить откровенно. Должно быть это действительно счастливый день, когда такой молодой парень, как ты, обнаруживает себя на равной ноге с эдаким стариком, как я.

Первому наверное было трудно говорить – с его губ не сходила слабая улыбка.

– Ну что же, пусть так – сейчас ты получишь все причитающиеся тебе звания и знаки отличия, а потом мы поговорим.

Первый снова закричал:

– Зрите, люди! – еще один вдох. – Вот сидит муж со своей добычей!

Эти его слова, без сомнения, должны были явиться сигналом ко всеобщему ликованию, выкрикам и толкотне, что и произошло – люди зашумели и подались вперед. Следовало кое-что сделать, и Первый Старейшина назвал несколько

имен тех, кому это поручалось. Джексону Черному выпало бритье. Чуть позже Джексон Белый узнал, что превращение в посвященного Почтенного включает в себя также и рукопожатия с такими людьми как Филсон, и легкую давиловку в толпе жаждущих дотронуться до тебя фермеров, которые безусловно считали, что эти прикосновения – справедливая плата за время проведенное у подножия Шипа, разглядыванием мертвого амрса, то, что они считали для себя необходимым сделать, и как можно скорее, с тем, чтобы убедить себя, что Джексон Белый реален и существует на самом деле.

– Следи за своими волосами – с этих пор они должны быть короткими, – назидательно сказал Белому Первый Старейшина, провожая его к котлу с горячей водой, где должен был свершиться ритуал бритья.

– Ага, – ответил ему Белый и оглянулся через плечо. Филсон Красный и Гаррисон Черный стерегли его амрса. Сказать наверное о том, являлась ли ухмылка на лице Филсона настоящей, было нельзя, но вот о Гаррисоне это можно было сказать определенно – он скалился во все тридцать шесть.

Итак, волосы Белого были коротко подстрижены недрожащей рукой брата, его прилюдно назвали Почтенным Джексонном Вторым, толпа смеялась и веселилась, ибо так должно было быть. И Джексон Второй стоял и думал: "Эх вы, люди, глупые, счастливые люди! Вы же убиваете меня!"

Глава четвертая

1

– Ну, значит, Второй, ты добыл его, эдакого мясистого, – сказал ему Салс Мовери, молодой, но вполне уже оперившийся фермер. Было время, когда Мальчик Джексон и Мальчик Сэмсон, кем был Мовери в ту пору, дружили, были приятелями по играм. Примерно тогда же Дорри Ольсон овдовела и сделалась Дорри Филсон. Мальчик Сэмсон решил, что ему позволено говорить об этом при Мальчике Джексоне вслух и это в тот же миг стоило ему его имени, ждать пришлось не долго; удержаться же с другими готовящимися в Почтенные с только что сломанными ребрами никому еще не было под силу.

И вот теперь он тоже здесь, потный с огромными глазами – как же, дотронуться до Почтенного, такая честь – а в его глазах нет злобы, нет совсем.

Тем же вечером вокруг Шипа должно было состояться пиршество – поедание свежеубитого амрса. Согласно ритуалу, Джексон Второй должен сам выбрать тех, кто достоин отведать мясо птицы, а значит и разделить победу Джексона. Персонально приглашенные на трапезу выбирались из числа тех, кто – как считалось – в годы юности свежеиспе-

ченного Почтенного проявлял по отношению к нему особую благосклонность и внимание. Выбор «нужных» людей – занятие не простое. Непонятно, какой смысл имелся в такой традиции, но одно Белый знал точно – до начала пиршества ему предстоит увидеть немало заискивающих глаз, услышать огромное число льстивых речей и сомнительных комплиментов. Да в такие моменты всегда непонятно откуда появляется множество якобы выдающихся и не очень, но обязательно *ласковых* якобы *друзей*.

Итак, отец Второго был давно уже мертв, его мать – с Филсоном Красным, брат как мог постарался вырастить его приличным человеком, по мере возможностей, конечно. Довершением же всего было это утреннее происшествие. И как ни крути, у Второго не было ни одного нежно любящего его дядюшки или тетки не фермерского сословия и у него совсем не было друзей.

В это утро друзья появятся сами собой, но есть одно обстоятельство: все были в скором времени отправятся в пустыню, а Второго ни чуть не прельщала необходимость распинаться перед ними сегодня вечером. Люди стояли вокруг него и смотрели ему ожидающе в рот, Первый Старейшина, устало шаркая подошвами ног, уже направился ко входу в Шип, туда, где обитали все Почтенные и Джексон Второй не нашел ничего лучше, как сказать:

– Послушайте, – он оглянулся вокруг себя, подумав о том, что мог бы сейчас перед всеми назвать имя Петры Джованс,

а потом понаблюдать за реакцией каждого. — С начала мне нужно сделать что-нибудь вот с этим. — Второй указал на рану на своем плече. — А потом, до вечера, я навещу всех моих друзей.

Он решительно двинулся вперед, разрезая толпу, мимо Мовери, мимо своего брата, мимо возгласов разочарования. Краем уха он разобрал, как они шепчутся о том, что на своего амрса он наверняка решил пригласить более знатных гостей, но ему было наплевать на эти слова, потому что он ожидал их услышать. Его брат Джексон Черный протолкался за ним следом и пошел рядом.

— Эй, не дело так поступать! — сказал он.

— Если бы я всегда поступал так, как нужно, ты лежал бы сейчас мертвый с дюжиной дыр, — ответил ему Джексон Второй на ходу.

Он шагнул в овальную дверь Шипа так, будто прожил здесь всю жизнь. Его учили этому: рисовали палочками на земле план Шипа, который он должен был запоминать, место расположения комнат Первого, помещений для хранения оружие, обитания врача, и, наконец, его собственной комнаты, в которой он будет спать после того, как вернется из пустыни со своей первой загнанной птицей.

Все было организовано так, чтобы фермерам казалось, что эти великие знания появились в его голове сами и вдруг, чтобы ребятишки бежали рядом с ним, но сохраняя почтительную дистанцию, вытягивая шеи и восхищаясь твоей уве-

ренностью в себе. Перед дверью они, конечно, остановятся, потому что общеизвестно, что любой не посвященный в Почтенные немедленно заболевает и в скорости умирает, если лишь однажды попробует ступить внутрь железного святилища. В детстве Джексон Белый бывал в Шипе два или три раза, и даже пробегал по одному из его коридоров. И он не заболел после этого и не умер. У него было достаточно сообразительности на то, чтобы делать это украдкой и не попадаться никому на глаза, так как про себя он молчком решил, что если кто-то из Почтенных его за таким занятием поймает, то заболеть и умереть его просто-напросто заставят. Кроме того, из этих опасных вылазок он не узнал ничего полезного, за исключением того, что изнутри Шип такой же железный, как и снаружи, разве что железо окрашено.

Внутри Шипа отовсюду доносилось глухое постукивание и гудение; металлический пол под ногами вибрировал. Кроме того, во внутренней части Шипа имелись огромные пространства, начинка которых была ему неизвестна. По предположению Второго (тогда еще Белого), в этих объемах находились машины Шипа. Что-то должно было давать энергию, приводящую в движение плуги. Что-то должно было добывать воду, поступающую в краны и текущую на поля, без чего не мог вызревать урожай. Белый никогда не верил в то, что мертвые в Возмире будут ради таких мелочей отрываться от трапез и призывать на помощь свою магию. А если это было действительно их рук дело, то зачем, спрашивается, здесь

торчит этот Шип?

Теперь же, когда по его разумению выходило, что Шип дает силу и шлемам Почтенных тоже, верить в волшебное происхождение этой силы, которую могла остановить первая попавшаяся груда камней, было более чем глупо. Возможно ему разрешат посмотреть на эти машины, конечно если он будет хорошим мальчиком и будет играть по правилам и дальше. Второй подумал о том, что когда-нибудь, может быть он сможет получить право управлять этими машинами, если, конечно, это вообще допустимо для Почтенных, а если подобное не осуществимо в принципе, то какой толк тогда от таких машин? Какой смысл в том, что он будет играть по правилам?

Петра Джованс даже не попыталась заговорить с ним, пока он шел к дверям Шипа от котла, у которого совершался подстриг, и это разозлило его.

– Ты даже не постучал? – удивился Первый, сидевший за просторным столом.

– А ты меня не ждал? – ответил Почтенный Джексон Второй.

Первый улыбнулся – на этот раз можно было не сомневаться, что это действительно была улыбка; Первый улыбнулся так широко, как никто другой Второму еще никогда не улыбался, и это его испугало.

– Присаживайся, Почтенный, – старик указал ему на стул. – Полагаю, что вместе мы сможем найти выход из по-

ложения, устраивающий нас обоих.

Стул был точно таким же, какие Второй привык видеть в бетонных хижинах, разве что выглядел не настолько обшарпанным – здесь им пользовалось гораздо меньше народа. Колесики на ножках стула были на месте и все еще крутились. Джексон Второй взял стул, провез его вокруг стола и уселся напротив Первого.

– Хорошо, это и мне подходит.

– Если это подходит тебе, то и мне подходит тоже, – подхватил Первый Старейшина. – Но давай проясним ситуацию с самого начала, Почтенный Джексон Второй. Если говорить обо мне, то я живу уже очень долго, но и в моей жизни был тот первый день, когда я отправился в пустыню и кое-что там для себя узнал. Любой Почтенный, которого ты здесь увидишь, любой из них, кто когда-либо рассказывал тебя хоть что-то о гоне амрсов и их повадках – все они уходили в пустыню впервые и открывали это новое для себя. Уверен, что ни от одного из них жалоб ты не услышишь. Ты так же не увидишь здесь никаких осложнений в том, как я управляю нашим поселением. Подумай об этом. Помни о том, что многое из-за того, что кажется тебе полезным и нужным, на самом деле вредно и опасно. И что бы это ни было, я уже заранее знаю, чем оно может для тебя закончиться.

Джексон Второй сидел, молчал и изучал Первого точно так же, как изучал все остальные предметы мира. Улыбка все еще играла у Первого на губах, но не столь лучезарно.

Джексон Второй попытался представить себе, о чем бы думал он сам, улыбаясь он вот так; такой прием срабатывал у него крайне редко, однако на сей раз он сработал. Возникшие при этом в голове у Второго мысли имели отчетливый привкус правды. Старик наверняка думает о том, какого дурака этот Джексон Второй может сейчас свалить и как просто и легко будет после этого с ним разделаться – после того, как он бросится сразу и напролом в ту сторону, которая сейчас представлялась наиболее разумной. Для Второго, конечно. Отлично, решил Джексон Второй, тогда я не буду этого делать. Следующий ход за тобой, Первый.

– Итак, ты не собираешься выуживать из меня нечто особенное, без чего ты якобы не можешь считать себя полноценным Почтенным, равным всем остальным, живущим в Шипе?

Я знал, что ты заговоришь об этом, – сказал Джексон Второй самому себе, но потом ему внезапно пришло в голову, что старик, даже улыбаясь, все равно может валять дурака. Первый знает, что Второй быстр, но он не знает насколько. А ведь внутри тебя сидит хитрый амрс, старик, решил Второй и сразу почувствовал себя лучше. Что скажешь, если я предложу тебе прогуляться в Возмир прямо сейчас, в роли дичи?

– Ты прикидываешь, как бы меня убить, – небрежно бросил Первый. – Зря теряешь время. Я все равно скоро умру, и тогда все это будет твоим.

Ощущение было таким, как будто между ним, его ушами и глазами внезапно легло огромное расстояние. Джексон Второй откинулся на спинку своего стула и переспросил:

– Моим?

– Да, будет твоим. Но сказать, как тебе следует все это взять, должен буду я. Кроме того, я так же должен буду научить тебя, как с этим обращаться и должен буду посмотреть, как это у тебя получается.

– Хорошо, – сказал Джексон Второй, приходя в себя. – Начинай прямо сейчас.

Первый сделал удивленное лицо.

– Но для того чтобы обучить тебя всему, недостаточно одного дня.

– А я и не жду этого от тебя, просто начни сейчас.

– Согласен. И для начала скажу – здесь все очень просто. Для того чтобы придать всему вид сложный и загадочный, мы говорим людям разный вздор. На самом деле все просто. Мы живем здесь, в Шипе и вокруг него, со всех сторон нас окружает пустыня, в которой рыщут амрсы. Мы способны выращивать злаки, добывать себе мясо и кое-какое сырье для орудий труда и охоты, загоняя пустынных амрсов. Все это образует наш мир. Солнце восходит и заходит. Лето сменяется зимой. Пространства пустыни огромны, но у нас

достаточно шлемов для очень большого числа Почтенных. Однако все это требует управления. Если мы предоставим фермеров самим себе, они пойдут по наиболее легкому для них пути, будут посиживать себе дни на пролет, делать детей и заниматься всем, что только придет им на ум. При этом им может не хватить еды, но может и хватить. Если еды им будет хватать – за чем, я думаю, у фермеров не хватит соображения проследить – все станут равны. Как тебе это понравится, Почтенный?

– Тебе не нужен мой ответ. Продолжай.

– Хорошо, ответ мне нужен, пускай. Сейчас ты способен видеть вершину нашей системы. Ты знаешь, при помощи каких уловок мы дурачим фермеров и ты в курсе, благодаря чему нам удастся заставлять фермеров думать, что сами мы представляем из себя что-то исключительное. В случае, если нам требуется что-нибудь для того, чтобы поддерживать здесь порядок, мы всегда можем это получить. Если мы видим женщину и желаем ее, то мы можем ее получить. Давай теперь поговорим о женщинах. Для чего по-твоему вообще женщины нужны – шулки в сторону?

– Стряпня, уборка, дом, – ответил Джексон Второй.

Первый Старейшина отрицательно покачал головой, что Второго совсем не удивило, ибо никто не станет задавать вам такие вопросы, если хитроумный ответ ему не известен заранее.

– Нет, – мудро заметил Первый. – Женщина существует

для того, чтобы стать лучше твоей матери, с тем, чтобы у тебя были сыновья, которые станут лучше тебя. Запомни это. И во всем остальном – то же самое. Когда ты берешь каравай фермерского хлеба и съедаешь этот каравай, то хлеб этот существует для того, чтобы дать тебе силу и сделать тебя еще лучше. И если хлеб женщины одного фермера оказывается лучше чем у женщины другого, то ты идешь за хлебом туда, где он лучше. Пускай ты не забереешь эту женщину себе – она может оказаться стара и некрасива. Но у нее может оказаться дочь, и тогда ты берешь себе ее дочь. И даже если у нее нет дочери, ты все равно будешь лучше и сильнее от лучшего хлеба, и тогда ты идешь и берешь себе лучшую женщину. Если ты не желаешь брать ее себе, а просто пользуешься ею и ее дети остаются фермерами, они все равно будут лучшими фермерами, чем могли быть, ибо всем понятно, что муж их матери был не достаточно хорош, чтобы остановить тебя.

– Что бы мы ни делали, все к лучшему, – заключил Джексон Второй. При этом он подумал, что мир, такой как им его описал Первый, должен быть преотличным, ибо что бы ни взбрело Почтенному в голову при таком раскладе, это всегда будет к лучшему и всем на пользу. – Теперь расскажи мне о амрсах, которые носят с собой копыя и умеют разговаривать.

– Мы и до этого доберемся, обещаю тебе, – ответил Первый Старейшина. – Причина того, что мы держим это и многое другое в секрете от любого, кто еще не получил звание Черного, та же самая, по которой мы стараемся помалкивать

о наших делах в тех местах, где нас могут услышать фермеры.

Первый наклонился ко Второму через стол, что, по-видимому, должно было означать наступление момента откровенности.

– Это важно, мальчик. Если ты окажешься способным понять это и использовать, то у тебя будет все для того, чтобы стать чем-то особенным, даже среди Почтенных.

Первый подчеркнул свои слова небрежным жестом руки.

– Черт возьми, я знаю столько парней, которые расхаживают здесь с оружием, но на деле они такие же фермеры, только с другими плугами. Они не знают как молотить пшеницу, но знают как устраивать засады на амрсов. И коль скоро это так, они считают себя особенными, и единственное, чем они утруждают свой мозг – размышлениями на эту тему. Нет, мальчик, – костлявый палец Первого уткнулся прямо в него, – ты *обязан* стать таким же, как *мы*. Ты обязан держать свои глаза и уши открытыми и не забывать, что между ними имеется еще кое-что. Я знаю это, и ты тоже знаешь это. Единственное, что я знаю лучше тебя, это то, как тебе достигнуть этого.

– Здесь вокруг полно народу, который уверен в том, что придет время, и он отправится в Возмир, где можно жить сытно и не работать вообще. И мы позволяем им тешить себя этой мыслью, ибо она заставляет их усердно работать, пока они здесь. Мы позволяем им быть фермерами или Почтен-

ными и думать о Возмире, где такие люди *как* они без сомнения живут хорошо. При этом от нас требуется следить лишь за тем, чтобы они не забывали кто они – фермеры или Почтенные, потому что если они помнят это, то помнят и о том, что от них требуется, пока они еще здесь.

– Если каждый человек знает, чего от него ждут, то он и делает это. И он ни за что не начнет бродить вокруг Шипа по ночам и совать нос в чужие дела, или собирать вокруг себя кучки народа днем, или пытаться вникнуть в суть всего, что делается для его же блага. Сколько подобных нам есть в каждом поколении, как ты думаешь, мальчик? Единицы, черт возьми. Что фермеры и большая часть Почтенных не могут взять себе в толк, так это то, что если бы не мы, то все они давно бы перемерли. Они сдохли бы, потому что запустили бы свои пашни, или от неправильного питания, или от того, что влезли бы в Шип и убили его.

Первый внимательно изучал лицо Джексона Второго.

– Теперь скажи мне, слышал ли ты хоть раз о ком-то, кто не был посвящен, но все равно заявил во всеуслышание, что желает войти в Шип? Видел ли ты когда-нибудь охрану перед входом в Шип? Слышал ли ты когда-нибудь, чтобы фермеры говорили: "Мы хотим еще воды"? Так вот, позволь мне спросить тебя: поставь мы перед Шипом охрану, то не скажали бы фермеры после этого: "Интересно, а что это они там охраняют? И если это нужно охранять, то может быть мы сможем узнать об этом, перебив охрану и расчистив себе до-

рогу силой?". Думал ли ты когда-нибудь о том, что было бы, скажи мы фермерам: "Вы не можете заниматься гоном амрсов"? Неужели после этого они не стали бы интересоваться, почему? "Черт возьми, это ведь просто правила и придумывают их для нас они". Нет, мальчик, ты не будешь делать ничего из ряда вон выходящего, иначе все фермерство устроит здесь кавардак, решив, что для того чтобы получить все, что хочется, нужно нарушить несколько правил. Ты показываешь им открытую дверь и говоришь: "Только для Почтенных". Ты посылаешь людей в пустыню, и многие оттуда не возвращаются. И тебе не следует говорить фермерам, что это только для Почтенных – здесь это неуместно – они должны понимать это сами. – Вот так управляют этим местом, мальчик. Скажу больше – могу держать пари, что среди фермеров есть немало таких, которые бывали в пустыне и немало таких, которые пробирались в Шип. Но это они держали в тайне. Если они углублялись в пустыню слишком далеко, то в подавляющем большинстве погибали, если держались окраины, то не видели амрсов. И я не думаю, что среди них было много таких, которые решались заходить далеко. Не потому, что там умирают, а потому что с самого детства им в голову вдолбили, что это стыдно. И если им все-таки удавалось увидеть амрса или кое-что из машин Шипа, они не могли понять что это означает, потому что никто не давал им необходимых для понимания знаний. Через некоторое время они возвращались обратно. И если никто из них после этого не

заболевал и не умирал, они молчат, потому что разговорчивого любой может после этого убить, просто для того, чтобы исправить эдакий недосмотр. Никто не любит одиночек, потому что никто не знает, что он такое.

В ответ Джексон Второй твердо взглянул в узкие глаза старика.

– Если только он не на самом верху.

Первый улыбнулся и кивнул.

– В том-то и дело.

– Ладно, – сказал Джексон. – Ну, а теперь скажи мне, что заставляет тебя, за исключением того, что таким способом ты можешь снижать поголовье молодых Почтенных, держать в тайне то, что амрсы умеют разговаривать и вооружены копьями?

– Ну, знаешь ли, в противном случае ты бы уже задолго до своего первого гона начал мастерить себе щит и длинное копье, – ответил Первый Старейшина. – А узнай такое кто-нибудь вроде твоего брата, он разболтал бы об этом по всей округе, просто для того, чтобы показать всем, что он знает больше других. В любом случае это доходит до фермеров и тревожит их. Послушай, мальчик, – что твой амрс сказал тебе?

– Он сказал: "Сдавайся!"

Первый кивнул – это был один из тех вопросов, ответ на который был заранее ему известен. – Точно так. Он не хотел убивать тебя. И ты должен был быть ужасно глупым счаст-

ливчиком, чтобы не разглядеть это с самого начала и тем не менее все равно остаться в живых – а ведь ты совсем не глуп. И не слишком похож на счастливчика, так мне кажется. Мальчик, мы еще столько не знаем про этот мир...

– Я это уже понял. Дошел своим умом, – сказал Почтенный Джексон Черный Второй, которому до смерти надоело, что его называют мальчиком.

– В самом деле? А понимаешь ли ты, что это значит? Нашлось ли у тебя после гона время подумать об этом, о том, о чем думали бы все фермеры, узнай они об этом и получив достаточно времени пораскинуть мозгами? Послушай, мальчик, дело в том, что в этом мире, в *настоящем* мире, который значительно больше Шипа и пустыни – существует нечто, что не желает убивать Почтенных. Это нечто просто стремится забрать их к себе. Твой амрс хотел взять тебя в плен. Они позволяют Почтенным преследовать себя для того и только для того, чтобы с риском для жизни пытаться исполнить некий план, в то время как Почтенные желают только их смерти. – Что-то находящееся вне нашего мира нуждается в Почтенных. Может быть оно ест нас заживо в своем убежище, где-нибудь за пределами пустыни. Я не знаю – и никто не знает. Но чем бы оно ни было, по всему выходит, что вокруг нас имеется мир, настолько большой, что в нем Почтенные не являются даже фермерами – они его урожай. И как долго, ты думаешь, нам удастся держать здесь все под контролем, если фермеры вдруг прознают про то, кто мы та-

кие на самом-то деле?

Джексон Второй ждал продолжения, но Первый Старейшина замолчал, откинулся на спинку стула и принялся смотреть на Второго с таким видом, как будто ждал, что тот вот-вот свалится в обморок. Целую минуту Джексон не мог поверить в то, что он услышал. Первый поведал ему то же самое, о чем думал Джексон сегодня ночью по пути домой. И это раздражало: слушать старческую болтовню, тогда как он, Второй, мог бы заняться чем-нибудь полезным, А ведь где-то здесь, внутри Шипа, его уже поджидает целая свора таких же как Первый стариков, свежих и имеющих много чего рассказать, но во всех их рассказах не было совершенно ничего – ничего из того, до чего бы он давно уже не додумался сам.

Эх ты, старик, – подумал Второй – ты напрасно истратил наше время. Но сказал он так:

– Значит, ты решил, что я достаточно умен. Если я узнаю, как удерживать людей в строю, не применяя к ним силу, то в один из прекрасных дней стану Первым Старейшиной?

– Ты можешь им стать. У тебя самые лучшие для этого задатки.

Старик снова впился Второму в лицо своим испытующим взглядом.

– Но как и все прочее, это придется зарабатывать. Этот мир суров, мальчик. Потом ты увидишь, что он суров настолько, что ты этого даже представить себе не можешь. Ничего никому не достается даром, даже среди нас.

– Даже самым умным из нас, – сказал Почтенный Джексон Второй.

– Даже самым умным из нас, – согласился старик. – Нет смысла обманывать себя, только попытайся жить иначе – и ты проиграешь еще до того, как начнешь свою игру.

– В свое время ты знал много таких же умных?

– Знал кое-кого.

– И эти кое-кто до сих пор здесь, и все без исключения уверены, что когда-нибудь станут Первыми. И каждый из них в душе без ума от себя и работает только на победу, я правильно понял?

– Есть и такие. Это беспокоит тебя?

Джексон покачал головой.

– Нет.

Первый в очередной раз улыбнулся. Выражение его лица было таким, как будто он вот-вот закричит: "Сдавайся! Сдавайся!" Он сказал:

– Так уж оно должно быть, мальчик. Нужно принять это – и начинать драться. Кулаки и стрелы идут только на пользу. Держат все в рамках. Удаляют слабые звенья. Мальчик, это место *должно* стать лучше. Иначе придет такой день, когда амрсы найдут лазейку и подберутся к Шипу вплотную. Придет такой день, и Шип погибнет, и нам придется учиться выживать без него.

Старик быстро встал со своего стула и легонько похлопал ладонью по металлической стене позади себя.

– Потому что все это, ничто иное, как еще одна чертова *машина*, мальчик! В один прекрасный день она износится до конца и остановится. И вся надежда будет только на нас, на тех, кто сможет заставить людей крепиться и жить без Шипа! – глаза Первого сияли. Он весь дрожал. – Мальчик, ты должен это предвидеть!

– Предвидеть. Видеть то, что должно случиться, – сказал Джексон.

– Совершенно верно! Это именно то, что отличает *нас* от остальных!

Я уже предвижу многое, подумал Почтенный Джексон Второй. Я вижу далеко вперед. Я умею быть таким как ты.

– Смешно, – сказал он.

– Что смешно?

– Мне казалось, что ты, увидев, что я не похож на других, дашь мне что-нибудь особенное, – пояснил Джексон.

– Я знал, что ты не похож на других, еще до того, как ты ушел в пустыню. Если бы ты не вернулся, я был бы крайне разочарован. А тебе я все-таки дал кое-что, кое-что особенное – я дал тебе знание.

– Да, но этого у меня хватало и без тебя, – ответил Джексон. Он поднялся со стула, протянул руку и потрогал свою рану.

– Пойду-ка, сделаю что-нибудь вот с этим. Всегда лучше быть целым.

Он спустился вниз к комнате дока. Док имел звание Почтенного Серого и длинный, извилистый старый шрам через весь живот. Док всегда ходил немного согнутым, очевидно из-за шрама, и с крепко сжатым ртом. Поскольку он умел лечить людей, Первый строго следил за тем, чтобы Серый получал все причитающееся посвященному Почтенному. Когда Джексон Второй вошел в его комнату, док улыбнулся и взглянул на него своими глубокими глазами.

– Первый раз, так?

– Дешево отделался. Кажется.

– Вернулся обратно, считай отделался дешево. В любом случае, большее того, когда уже нечему болеть, быть не может.

– Ты так думаешь?

Чувствовалось, что док говорит эту фразу всем новичкам. Однако Серый был внимателен и предупредителен. Почтенному, не занимающемуся гоном, приходится быть внимательным к другим поневоле.

– Залатаю тебя без проблем, Почтенный, будешь как новенький, – приговаривал док, а сам в это время промывал рану Второго зажатым в костяных палочках тампоном, смоченным в горячей воде, доставал иглу и нитку.

– Спасибо, док, – поблагодарил Серого Второй после того,

как тот наложил ему пару швов и отпустил с миром.

Он вышел из Шипа на дневной свет и сразу же заметил Гаррисона и Филсона, стоящих на часах рядом с его амрсом – все чин-чином. Так было заведено: когда Почтенный приносит к Шипу своего амрса, Первый Старейшина выбирает из числа загонщиков двух самых сильных мужчин и наказывает им сторожить птицу. Если Почтенный возражает и просит одного из назначенных стражей, вроде Филсона и Гаррисона, удалиться восвояси и уступить место стража ему, для всех это означает, что данный сильнейший больше таковым не являлся.

Джексон посмотрел на одного из стражей; потом перевел взгляд на другого. Филсон улыбнулся ему. Или, может быть, так только казалось.

– Твоя мать может гордиться тобой сегодня.

Однако по лицу Филсона нельзя было сказать с уверенностью, какой смысл вкладывал он в свои слова.

– Думаю, что так оно и будет, – ответил ему Джексон. – Вы оба, Почтенные, приходите на мое пиршество сегодня вечером, хорошо?

Потом Второй кивнул головой в сторону амрса.

– Вы сможете выбрать вечером любую его часть, какую захотите, – добавил он. – Если, конечно, вам не захочется одного и того же.

Он повернулся и зашагал прочь, а Филсон и Гаррисон – назначенные Первым стражники – не могли последовать за

ним, даже если бы захотели. Второй не стал больше смотреть на своего амрса. Птица пахла отлично, многие сочли бы этот запах аппетитным, но Джексон решил, что даже этого слова здесь будет недостаточно. И причиной этому, – Джексон улыбнулся своим мыслям, – был скорее всего он сам, а не особые качества его амрса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.